

ПОЭТИКА КАЛЕНДАРНОГО ВРЕМЕНИ В РАССКАЗАХ ЯКУБА КОЛАСА

В статье исследуются художественные функции календарного времени – весны, лета, осени, зимы – в ранней прозе Якуба Коласа. В мифопоэтической культуре славян за каждым из этих концептов закреплены свои парадигмы смыслов. Весна – время возрождения жизни природы, лето – ее расцвета, осень – умирания, зима – продолжение этого процесса и предвестие, после зимнего солнцеворота, возрождения жизни. Классик белорусской литературы, ориентируясь на эту традиционную семантику концептов, обусловленную исконным календарным земледельческим циклом, существенно обогатил ее новыми художественными смыслами. Ожидание обновления, расцвета жизни, закодированных в традиционной семантике концептов весны и лета, в сюжетных ситуациях рассказов не реализуется. Эмоциональная гамма концептов осени и зимы пронизана тягостным ощущением разлада, разбалансированности в национальном бытии. В то же время красота сезонных пейзажей во все времена года взывает к той естественности, гармонии бытия, которых по праву заслуживает белорусский народ. В индивидуальной коласовской семантике времен года явственно отражена и историческая судьба нации в начале XX ст. и прогнозируется ее будущее.

Коласовским искусством художественного моделирования сезонных картин белорусской природы восхищались Л. Фигловская [1, с. 99-100], А. Семенович [2, с. 178-179], Д. Гальмаков [3, с. 61-68], И. Чигрин [4, с. 21-22], Ю. Пширков [5, с. 80]. Но специально проблема календарного времени и его поэтики в ранних рассказах Коласа еще не изучалась. “Поэтика, – по верному суждению Г. Косикова, – дисциплина, изучающая художественную форму – изобразительно-выразительные средства, литературную образность, вопросы композиции, сюжетосложения, стиля, стилистики и т.п.” [6, с. 209]. В этой статье поэтика календарного времени как существенный компонент художественной образности в ранней прозе классика изучается впервые.

Как констатирует Л. Панова, календарное (годовое и суточное) время, как время циклическое (или круговое), “возводит все события к первоначальному (т.е. времени мифов и преданий)”. Оно “событийное и качественное, причём события ... “вызревают” в нем (т.е. происходят, когда наступает их черед)” [7, с. 357]. Эта модель времени в творчестве художников первой половины XX в. своеобразно взаимодействует с моделями спиралевидного, исторического и линейного времен. В спиралевидном времени “соединены черты циклического и линейного времени”, и отличия этой модели от первой в том, что “точных совпадений у нынешних событий с событиями прошлого уже нет, но у каждого нынешнего события есть свой аналог в первоначальному” [6, с. 358]. Историческое время (“появляется сначала в иудействе, а потом и в христианстве”) тоже событийно и качественно. Его вектор “берет свое начало от Творения мира, проходит через Пришествие Иисуса Христа и устремляется к не меньшим по значимости событиям, Второму Пришествию и Страшному суду”. В этой модели время уже движется само и движет человечество к единой цели, к искуплению и очищению...” Линейное время (открыто новоевропейской мыслью, впервые появилось у Декарта) трактуется как полностью абстрагированное от событий и истории, несущей

моральный смысл. По мнению Л. Пановой, “оно бескачественно, равномерно, направленно, необратимо, безначально, бесконечно”. Длительность этого времени позволяет его измерять [7, с. 358].

В статье исследуется художественная семантика в основном календарного времени. Поскольку оно событийно и качественно, имеет определенную протяженность, в отдельных случаях будет обращено внимание на взаимодействие концептов этой модели художественного времени с концептами других моделей.

В мифопоэтической культуре родного Коласу белорусского этноса, как и в общечеловеческой, за каждым из четырех времен года закреплены свои парадигмы смыслов. По наблюдениям А. Есина, ассоциированные “в основном с земледельческим циклом, осень – время умирания, весна – возрождения” [8, с. 59]. Обычно с летней порой связывают ожидания расцвета жизни. Зима с бесконечными снегами, судорожными объятиями морозов – продолжение ухода, умирания жизни, начатых осенью, и предвестие, после зимнего солнцеворота, ее возрождения.

Из традиционного представления о весне как поре обновления в вечном круговороте жизни исходил Колас в рассказах о детях [9, с. 296-302]. Сирота Юрка из одноименного рассказа в “общении” с весенним ландшафтом обретает духовные силы для противостояния злой мачехе. Весеннее облако в сознании взыскующего справедливости мальчика ассоциируется с образом христианского святого: “Ці не прарок гэта, святы Ілья?” [10, с. 186]. Известно, что пророк Илья “в народной традиции восточных славян – повелитель грома и дождя, персонаж, от которого зависит плодородие и урожай” [11, с. 204]. Весенние надежды сироты на торжество справедливости формируются в контексте христианской духовности народа, где основой является вера в избавление от зла, очищение. Но в сюжете рассказа морально истерзанного обидами злой мачехи мальчика ждала трагическая участь. С христианской духовностью, включившей и лучшие традиции древних языческих представлений, связан в рассказе “Нёманаў дар” весенний ритуал заклинания будущего урожая, праздник “росы”: “За сялом у полі вакол агню гуляла цэлая чарада дзяўчат, спраўляючы расу <...> Дзяўчаты весела спявалі песні і скакалі па жыце, каб яно расло і радзілася” [10, с. 82-83]. Этот ритуал совершается вечером “Юрия вешнего” (6 мая по новому стилю) [11, с. 131-132].

Финал рассказа драматичен: казна отняла у крестьян приеманского села “подаренную” им изменившей русло рекой луку, зеленый луг; энергичный защитник крестьянских интересов, молодой парень Василь Подберезный, погиб в яростной схватке с доносчиком-лесником. Разрушение идиллического календарного хронотопа, весенних надежд на обновление жизни запечатлено и в других рассказах. Мучительно тянутся последние мгновения жизни состарившегося труженика Базыля (“Старасць не радасць”). В экзистенции персонажа, как в миниатюре, запечатлелась уходящая в прошлое история белорусского народа в ее светлых, а больше в печальных, драматических моментах: “Была ў яго маладосць, былі сілы і здароўе, радасці і надзеі, былі і нягоды, а іх нават было больш, як дабра” [10, с. 96].

Не может народ, постоянно думающий о куске хлеба насущного, в соответствии со сложившимися издревле традициями встретить праздник Воскресения Христа (“Адгукнуўся”). Смертельно уставший на лесосплаве крестьянин Лукаш Глузд засыпает во время всенощной. И в самый торжественный момент церковной службы он вместо величания Сына Божьего на весь храм выкрикивает спростонья плотогонскую команду – ему привиделась опасная ситуация на лесосплаве. В знойный майский день обречен на голодную смерть безработный (“У го-

радзе”). Когда он, “абарваны, расхлістаны, загарэўшы на сонцы, босы, змучаны”, на перекрестке просил милостыню, никто ее не подал, даже те, от кого в школе и церкви он слышал “слова любви и братской жизни”. Таким образом, весенние надежды на обновление родной земли, очищение ее от скверны лицемерия, бесчеловечности, что ассоциировалось в идиллическом календарном хронотопе с весенней порой, в коласовской художественной модели национального бытия разрушены по причине подневольного положения народа.

Судьба родины в коласовской модели национального бытия нередко “завязана” на летней поро. Дорога alter ego автора, интеллигента, размышляющего о доле народа, проходит через Беларусь летней дневной и ночной порой. Красота родных ландшафтов, небес над ними оттеняет бедность, скудость крестьянских нив и селений. Контрастны им господские поля и строения: “поруч з убогімі будынкамі ўперліся ў неба панскія палацы, зелянеюць сады, ломяць галлё яблыкі і грушы; шырока і смела раскідаюцца дваровыя палеткі, каласуюцца багатыя панскія нівы, пасуцца сытыя коні, валы-рагалі, тысячы авец рассыпаюцца па полі...” [10, с. 16].

Летняя пора – время жестокой эксплуатации крестьян. Один из них, Павлюк, после длинного трудового дня на господском лугу задумался серьезно о несправедном мироустройстве, о том, что хозяева жизни, лицемерно уповаю на Бога, оправдывают сложившийся миропорядок. Священник, защищая интересы имущих, социальное неравенство, напоминает взыскующему правды крестьянину о разной роли небесных светил: “Накшая чэсць сонцу, накшая чэсць месяцу” [10, с. 25]. Для пытливого крестьянина главное – до истины прийти своим умом, без посредников, спекулятивно трактующих Священное писание.

Картина знойного, засушливого лета усугубляет опасения крестьян не только за судьбу урожая, но и за свою собственную: “Ужо два тыдні як над сялом павіс нейкі страх і трывога, чаканне чагосьці страшнага і неадхільнага <...> Як толькі пачалася вясна, ніводнага не было дожджыку. Пасеянае збожжа ў палях і агародах гібелі” [10, с. 86]. В индивидуальной судьбе Миколы Гляка “мерцает” судьба доведенной до отчаяния, не прозревающей перспектив части народа (“Трывога”).

Летний зной в праздничный день на селе – повод не только для опасений за будущую судьбу крестьян, но и для поиска перспектив ее улучшения. Перспективы эти искусно выявлены в оригинальном сюжете (“Недаступны”). Подвыпивший крестьянин Артем, спасаясь от осерчавшей супруги, оказывается внутри неглубокого колодца, на его деревянной арматуре. Сюжетная ситуация шире своего анекдотического смысла. Да, белорусский крестьянин в силу неблагоприятных для него обстоятельств, и не только климатических, но и бытовых, социальных загнан на дно колодца жизни. Он просит у родного сына напомнить имя пророка, которому вороны носили мясо в пустыню. Думается, этот пророк ассоциирован с сюжетом не случайно. Пророк Илья в народном сознании представлялся карающим сеющих зло на земле градом и молнией. О будущем возмездия обидчикам подневольного народа и слова ставшей популярной в белорусской деревне той поры “Марсельезы”:

“Адракомся ад старага міру,

Атрасём яго прах з нашых ног” [10, с. 94].

В революционных настроениях Колас видел перспективу выхода своей нации из социального тупика – отречение от старого мира во имя созидания нового, без угнетения. К летнему времени приурочено избавление Ивана Киселя от унаследованной от предков, по причине подневольного положения нации, привычки “стонать”, оплакивать свою долю (“Выстагнаўся”).

Выразительна семантически летняя картина в рассказе “Недаступны”: “Далёкая цёмная палоска лесу абвязалася наміткаю сіняватай смугі, як маладзіца

хусткаю, каб не так пякло сонца. Падыхаўшы зранку, вецер сціх зусім, і здавалася, што ён сціх не дзеля таго, што так трэба, а сумыслу, на злосць усім тым сілам, якім таксама належала не даваць у здзек гарачыні зусім распараную зямлю і ўсё яе стварэнне" [10, с. 90]. Циклическая летняя пора у Коласа не благоприятствует земле и хлеборобу. Союзник, "соучастник" человеческих забот она только в колосовских рассказах о детях и о тяжбе крестьян с истыми охранителями и защитниками самодержавия. Луна вместе с крестьянами "издевается" над глупостью полицейских чинов, обманутого хитроном сотским: "Цікавы месяц выплыў з-за белай хмаркі і, глянуўшы на гэтую працэсію, мусіць засаромеўся людскога глупства, бо зараз жа схаваўся ў другой хмарцы..." [10, с. 32].

Вместо ожидаемого достатка крестьян подстерегают в летнюю пору суровые испытания то засухой, то социальными бедами, то слабостями человеческой природы. С летней порой связаны "приключения" крестьян, склонных к чрезмерной выпивке ("Кірмаш", "Знайшлі"). Персонаж первого рассказа Петрусь после очередного "приключения", чуть не завершившегося потерей коня, присягнув матери сырой земле, становится на путь исправления.

Осенняя и зимняя поры года в колосовских рассказах излучают традиционную для календарного хронотопа семантику – ухода, умирания, утрат. Именно осенью испытывается на прочность мудрая философия бытия, исповедуемая не по летам смысленным подростком Базылем, который чуть не погиб от глупой шалости своего дружка Гришки ("У старых дубах"). От родовой общечеловеческой мудрости в пользу сословной, классовой ("І хто ў лесе не злодзея, той дома не гаспадар") осенью отступил симпатичный повествователь Андрей Плех ("Малады дубок"). Эта мораль возникла в период формирования частной собственности, когда основными массивами земельных угодий завладели магнаты-богатеи. В рассказе зло, грозящее социуму от такого передела собственности, выявлено в назидательном сюжете древней сказки о нечистой силе, отнявшей у людей дарованную им небесами счастливую жизнь. Эта злая сила – тяжбы за владение собственностью, испоганившие души людей: "зямля пачала кепска радзіць: пайшлі па свеце паморкі, паўстала сварка, калатня, бойкі" [10, с. 167].

Темной осенней ночью Андрей Плех срубил молодой дуб в обходе лесника Максима Зарубы, что послужило поводом к увольнению последнего. Этой ночью начинается раздвоение в душе героя. Инстинктивно, подсознательно Андрей Плех тяготеет к людям, живущим по велению совести, поэтому так мучительно переживает он разлад с ней. Ночная осенняя тьма ассоциируется с временным духовным помрачением: "змрок – густы, халодны, непрыветна-нерухома аблягаў зямлю. Ціха. Глуха. Хоць бы гук чалавечага голасу <...> Пачуванні маркоты і адзіноты агарнула яго" [10, с. 153]. В его субъективном времени эта злополучная ночь тянется бесконечно – и в родном доме, и на подворье: "Здавалася, неба блізка-блізка нахілілася да зямлі і ціснула яе сваім густым і цяжкім змрокам. І ўсё было так глуха, так нема, усё роўна як закамняла або вымерла" [10, с. 155].

С осенней и зимней порой ассоциируется и социум, предавший, похоронивший законы справедливости, совести, Бога. После покаяния перед Зарубой, уволенным с работы, Андрей Плех признается о своей порубке в лесничестве, надеясь, что того восстановят на службе. Но не справедливость определяла суть бытия в социуме, а право сильного и властного. Прозрение осенило Андрея именно в зимнем лесу: "угары шумелі паціхеньку хваёвыя галінкі, як бы віталі першы сняжок. А можа яны шапталі што Андрэю, як шэпча маці, схіліўшыся над дзіцем, расказвалі сваёй мовай аб тым, што Андрэй сапраўды не такі вінаваты, як гэта крычыць яму кожную хвіліну чулае сумленне" [10, с. 166].

Осенней порой крестьяне полесской деревни окончательно осмыслили, сколько лучших земельных угодий, ранее принадлежавших им, отнял у них помещик ("Бунт"). Тяжбу крестьян с ним разумно интерпретирует белорусский интеллигент-учитель, который, составляя петицию со справедливыми требованиями, исключает кровавый путь разрешения застаревшего конфликта, как это происходит в российских губерниях, где "льецца кроў, гараць панскія палацы... Мы не хочам грабіць і паліць, каб чужой крывёй і слязьмі купіць сабе шчасце; мы не хочам браць чужога, а патрабуем ад вас тое, што вы ўсякімі канцылярскімі кручкамі адабралі ад нас..." [10, с. 21].

Конфликт крестьян с помещиком драматически разрешился зимой. Помещик, присвоивший крестьянские угодья, по доброй воле не вернет их. Крестьян, начавших ловить рыбу в отнятых помещиком затонах, казаки арестовали, а старого крестьянина Юрка, который возмутился жестокими действиями властей, до смерти избили. Морозной зимней ночью трагически завершен жизненный путь Василя Чурило, служившего в лесничестве, где сохранилась реликтовая этика крепостного права: «лясніцтва – глухі куток Беларусі, – у якім служыў Васіль, захавала ў сабе яшчэ старыя парадкі таго цёмнага часу, калі было права памяняць чалавека на сабаку, таго часу, што зваўся "паншчынай"» [10, с. 42].

Картина холодного зимнего дня в рассказе "Тоўстае палена" "дублирует" раздраженность в социуме, сумбур в сознании того героя, который решил утвердить справедливость нечестным путем: "І навокал было так нярадасна і непрыветна, як у Паўлюка на сэрцы... Дзе-нідзе ў полі на межах стаялі адзінокія грушы і сіратліва махалі сваімі голымі галінамі, пацёпваючыся, як пажылыя кабеты, на холадзе" [9, с. 146].

Похоронены надежды на светлый праздник Рождества Христова в трудолюбивой большой семье лесника Тараса. Его старший сын, выпускник учительской семинарии, которого семья ждала к рождественскому ужину, арестован за участие в национально-освободительном движении. Традиционная семантика осенней и зимней поры, символизирующих умирание в природе, сопряжена с новыми социальными смыслами, в которых многогранно выявлены ситуации подневольной жизни народа, всевозможные препятствия на его пути за право "людьми зваться".

Знаменательна в пространственно-временном континиуме коласовского рассказа и такая особенность. В каждой поре года художник находит свою неповторимую красоту. Это и излучающая рождественское торжество картина зимнего леса ("Калядны вечар"), и роща старосветских дубов в осеннюю пору ("У старых дубах"), и картины весенней ("Нёманаў дар", "Адгукнуўся") и летней ("На начлезе") ночей. Особенно впечатляюща, духоподъемна картина летней ночи в последнем рассказе: "Зоры, як матылёчкі, трапыхаліся, дрыжалі, і іх бляск пераліваўся дзівоснымі колерамі незлічонах агнёў. За лугам чуць-чуць выступала сваім чорным абрысам зубатая палоска яловага лесу, а над ім мігацелі чырвоныя стужкі трывожных зарніц. Наўкол было так спакойна, так ціха і лагодна, што душа мімаволі адрывалася ад зямлі і ляцела ў невядомую высь, каб зліцца з хараством, з бязмежнасцю гэтага таёмнага, неразгаданага свету, і нейкая беспрычынная радасць разыходзілася па ўсім целе" [10, с. 169-170].

Эта независимая от происходящего в социуме красота "неравнодушна" к его бедам, напоминает у писателя о той естественности, гармонии, на которые должен ориентироваться родной ему народ. В упомянутых ярких картинах этноландшафта, небес над ним "мерцает" коласовский идеал социальной гармонии, независимой естественной жизни белорусов на родной земле.

Г. Косиков утверждает, что поэтика "зависит от конкретно-исторического содержания произведения, от индивидуальности автора, от его культурных ориен-

таций, от системы литературных и языковых средств, которые данная страна и эпоха предоставляют в его распоряжение и т.п.” [6, с. 210]. Коласовская же индивидуальная поэтика не так зависит от содержания, как “оформляет” его, углубляет эмоциональными обертонами. Ожидание обновления, расцвета жизни, закодированных в традиционной семантике концептов весны и лета, в сюжетных ситуациях рассказов не реализуется. Эмоциональный подъем праздничных торжеств, который излучают пейзажные картины, приуроченные к Пасхе и Рождеству, дезавуирован в финале рассказов “Адгукнуўся” и “Калядны вечар”. Особенно богаты обертонами концепты осени и зимы. Эмоциональная гамма этих обертонов внушает тягостное ощущение разлада, разбалансированности в национальном бытии. Ориентируясь на традиционную семантику времен года исконого календарного земледельческого цикла, Колас существенно обогатил ее новыми художественными смыслами, в которых явственно отражены и исторические судьбы нации в начале XX ст. и прогнозируется ее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фіглоўская, Л.І.* Творчасць Якуба Коласа / Л.І. Фіглоўская. – Мн., 1959.
2. *Семяновіч, А.А.* Майстар алегарычнага апавядання / А.А. Семяновіч // Янка Купала і Якуб Колас. Некаторыя аспекты творчасці. – Мн., 1982.
3. *Гальмакоў, Д.І.* Стыль прозы Якуба Коласа / Д.І. Гальмакоў. – Мн., 1973.
4. *Чыгрын, І.П.* Рэальнае і магчымае. Проза Якуба Коласа / І.П. Чыгрын. – Мн., 1991.
5. *Пшыркоў, Ю.С.* Летапісец свайго народа. Жыццёвы і творчы шлях Якуба Коласа / Ю.С. Пшыркоў. – Мн., 1982.
6. *Косиков, Г.К.* Структурная поэтика сюжетоўскладання во Францыі / Г.К. Косиков // Современныя методы анализа художественнага произведения. – Гродно, 2003.
7. *Панова, Л.Г.* “Мир”, “пространство”, “время” в поэзии Осипа Мандельштама / Л.Г. Панова. – М., 2003.
8. *Есин, А.Б.* Время и пространство / А.Б. Есин // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. – М., 1999.
9. *Люкевич, В.В.* Сюжетоўскладання в расказах Якуба Коласа о детях / В.В. Люкевич // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Могилев, 2006.
10. *Колас, Якуб.* Збор твораў: у 12 т. / Якуб Колас. – Мн., 1962. – Т. 4.
11. *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* – М., 1995.